

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО САМОСОЗНАНИЯ

УДК 930.85; 17.023.36

ИНФЕРНАЛЬНАЯ КАРНАВАЛИЗАЦИЯ: «ЧЕРНЫЙ ЮМОР» ПАРТИЗАН И ЧЕКИСТОВ 1920–1930-х гг.

А.Г. Тепляков

Новосибирский государственный университет
экономики и управления – «НИНХ»

Статья посвящена трансформациям карнавального действия в послереволюционные годы, когда традиционное народное веселье приобрело архаичные черты, представляя собой зрелище жестокой мести верхам со стороны низов, связывая кровавой порукой участников и зрителей, отражая глубину распада общественных связей и традиционной морали.

Ключевые слова: карнавализация, смеховое начало, социальная архаика, партизанщина, чекисты, хаос.

Карнавальные обрядовые празднества, возникшие в древние времена, известны у многих народов, причем исследователи находят в разгульном народном веселье определенные типические черты. Один из первооткрывателей карнавальной стихии М.М. Бахтин описывает карнавал как синкретическую зрелищную форму обрядового характера, где все – активные участники, «все причащаются к карнавальному действию» и живут в нем по его законам¹. Карнавал – очень специфическая часть такого важного элемента цивилизации, как ритуал. Но в обычном ритуале роли распределены строго и отношение к происходящему предельно серьезно. Карнавал же, будучи игрой в невозможное, дает ощущение полной свободы и возможности влиять на других, нацепив нужную маску. Смеховое начало – это от-

ражение проявления хаотического. Карнавал воплощает идущую еще от сатурналий идею вселенского обновления, и его участники погружаются в хаос, стихия которого удерживается на грани срыва к разрушению. Карнавал сначала трансформирует мир в первоначальный хаос, в котором есть только неопределенность, а затем уничтоженный мир возрождается в игровом виде. При этом он подчеркнуто комичен, жизнь в нем становится всеобщей игрой, где исчезают придуманные людьми правила. И только когда карнавал заканчивается, люди-актеры возвращаются в настоящий мир своей повседневности.

Но история показывает, что карнавал может и не остановиться на отработанной традицией грани срыва в разрушительное действие, за которой только торжество хаоса. В обществе, теряющем устойчивость, карнавал становится одним из элементов

¹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советский писатель, 1963. – С. 163.

механизма саморазрушения, разгул которого меняет реальность в сторону нарастания хаоса, подталкивая ее идти «вразнос». На неизбежность присутствия хаоса в культуре говорил Ю.М. Лотман, указывая, что «всякая культура создает не только свой тип организации, но и свой тип внешней «дезорганизации»². История социальных конфликтов позволяет наблюдать, как внешняя, игровая «дезорганизация» оборачивается реальной, становясь одним из элементов саморазрушения социума.

Говоря о карнавальном мироощущении людей средневековья, периодически позволявшем радикально менять обстановку за счет глумливого карнавального смеха всех над всем, некоторые исследователи оспаривают мнение Бахтина о том, что разрушающий догматы (в том числе положительные – А. Т.) и освобождающий от запретов смех не воздвигает костров и не содержит идеи насилия. Говорят, что изначальная суть карнавала, в котором была традиция жертвоприношения, – кровь и смерть³. Действительно, в традиционном обществе явно присутствует карнавализация смерти. Особенная символика карнавала (переодевания, увенчания, развенчания, кощунственная насмешка над святынями) накладывалась на присутствие в городской жизни такой мрачной стороны, как регулярность публичных казней, которые также воспринимались частью карнавального действия – когда преступник (опасный раз-

бойник или страшная ведьма, представитель высокого сословия и т. д.) становился предметом осмеяния собравшейся толпы, любовавшейся его низвержением и предсмертными мучениями.

Смертная казнь в традиционном обществе содержала в себе основные элементы театральной постановки. Эшафот играл роль сцены, казнимые, подчас десятки, – актеров первого и второго плана, палач и его помощники – режиссера и ассистентов; нередко имелось и звуковое сопровождение (тревожная барабанная дробь). Толпа в сотни и тысячи человек являлась коллективным зрителем, переживала завязку, кульминацию и развязку, выражала одобрение или недовольство криками, свистом, рукоплесканиями, переживая даже некий извращенный катарсис, когда сопережитая драма не очищала и возвышала душу, а загрязняла и опускала. Незримо, а то и явно присутствовал также автор сценария, он же главный постановщик – властитель, решение которого о казни либо помиловании зачитывали вслух. Известно, что Николай I лично сочинил очень театральный сценарий расправы над петрашевцами.

В Древней Руси народный смех также «был сопряжен... с театрализацией, приводил к созданию грандиозных смеховых действий – не к простому карнавалу, а к семантическому действию, в котором, естественно, постепенно утрачивалось само смеховое начало. Он порождал даже такие апокалиптические явления, как крошечный мир опричнины. Опричнина Грозного была только порождена смеховым началом, в дальнейшем она утратила его полностью. Дело в том, что смеховой мир всегда балансирует на грани своего уничтожения... [и] становясь действи-

² Лотман Ю.М. Семносфера. – СПб.: Искусство–СПб, 2000. – С. 267.

³ Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура // М.М. Бахтин: Pro et Contra. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Антология. Том 1. – СПб.: РХГА, 2001. – С. 477.

тельностью, неизбежно перестает быть смешным»⁴.

Опричнина Грозного была сконструированным миром, обратным земщине, в котором опричники, наряжаясь монахами, предавались чревоугодию, блуду, диким расправам. И сам Грозный «с полным знанием дела разыгрывал ритуал увенчания-развенчания своих жертв», создав «уникальную монашески-скоморошескую обрядность опричников»⁵. Зверское юродство Ивана Грозного, нарочито кощунственные выходки Петра Великого, его издевательства над церковью (всепьянейшие и всешутейшие соборы) и боярами (вплоть до символической кастрации, поскольку бритье бороды воспринималось тогда как обычай гомосексуального меньшинства), привычная до середины XVIII столетия фигура придворного шута, а также распространенная среди всех сословий традиция почитания юродивых говорили о живучести карнавальных форм народной жизни. Свой карнавал устраивали участники крестьянских восстаний: А.С. Пушкин в «Истории Пугачева» описывал, как бунтовщики, захватившие и выжегшие Казань, «вбегали в церкви и монастыри, обдирали иконостасы... надев на себя женские платья, поповские стихари, с криком бегали по улицам, грабя и зажигая дома»⁶.

В жизни русской деревни, жившей по нормам традиционного общества до начала XX в., карнавализация имела место все время: народ по праздникам потешали вы-

зывающие пляски и срамные песни скоморохов, а затем шел нетрезвый разгул с переодеваниями, переменой ролей, а также пьяными ссорами и драками. Русский праздник XIX и начала XX вв. давал возможность потешиться, спеть неприличные частушки, цинично посмеяться над распутным священником, жадным «жулаком» или глупой соседкой. Но при этом в шумном веселье насилие обычно ограничивалось случайной пьяной поножовщиной или традиционными молодежными драками «стенка на стенку». Правда, рядом существовал и известный ритуал сознательного публичного унижения – например, с раздеванием догола неверной жены и ее избиванием на глазах у всей деревни, описанный в рассказе М. Горького «Вывод».

Д.С. Лихачев отмечал, что «искусственное убыстрение культурного развития при Петре способствовало тому, что многие характерные черты Древней Руси сохранили свою значимость для XVIII и XIX вв., – тип смеха в их числе»⁷. Например, карнавал царил в русской деревне еще все 1920-е годы. Очевидец так описывал разгульную масленицу 1926 года в с. Ордынском Новосибирского округа, сопровождавшуюся целым рядом пьяных убийств: «Навстречу мне довольно медленно движется что-то огромное, издали совершенно непонятное: торчат пучки соломы, вилы, грабли, гремит гармошка, слышно пение. Я заинтересовался и остановил лошадей, чтобы пропустить мимо себя чудовищную колесницу. Тройка лошадей впряжена в дровни, а к дровням прикреплен телег на трех колесах. К дуге тройки привязаны: метла, пук соломы и колокольчики. В дровнях стоят в

⁴ Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смеховой мир Древней Руси. – Л.: Наука, 1984. – С. 38.

⁵ Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура... – С. 478.

⁶ Пушкин А.С. История Пугачева // Полное собрание сочинений в 10 т. – Л.: Наука, 1978. – Т. VIII. – Гл. 7.

⁷ Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смеховой мир Древней Руси... – С. 57.

вывернутых наизнанку тулупах с колпаками на голове два парня и держат в руках вилы и ухват, остальные шесть, с пьяными раскрасневшимися лицами, сидят с гармошками в руках и поют:

Коммунисты-лодыри
Всю Рассею продали,
До Сибири добрались,
С Колчаком разодрались!
На паек поставили,
Голодать заставили!

Самогоночка милая!
Ты сердешная, родная.
Ой, жги, жги – говори:
Самогонки навари!!

В сломанной телеге сидят в рваных тулупах бородачи с кочергой, граблями, багром, сковородником, помелом и топором в руках. Сидят молча с искусственно свирепыми лицами, делая гримасы и принимая позы. За колесницей движется рычащая и хохочущая пьяная толпа: бабы, дети, мужики⁸.

Гражданская война в России изменила принципы веселья, потребовав настоящей крови: в привычные развлечения хлестнула подзабытая за столетия звериная жестокость. В 1917 году произошла культурная революция, в ходе которой человек из низов, нетрезвый и кривляющийся, выскочил на арену событий. В дни Февральской революции «обычными стали такие дикие явления, как половые акты, совершаемые на глазах гогочущей толпы... <...> Здесь мы имеем дело с выплеском намеренно эпатирую-

⁸ Тизенгаузен Д.О. Современные крестьянские праздники. Карнавал в деревне. Публ. С.А. Папкина // Голоса Сибири. Вып. 2. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С. 470.

щего поведения, заставляющего вспомнить о демонстративном похабстве юродивых или даже об оргиастических компонентах жизнедеятельности архаичных социумов⁹. Революционный разгул черни, по мнению В.П. Булдакова, ставит вопрос о соотношении его с народной смеховой культурой и воздействием на общественную нравственность.

Особенностями карнавала эпохи Гражданской войны стал частый смех над тем, что не должно быть предметом осмеяния, – мучениями людей и казнями. То, что труп врага пахнет хорошо, стало аксиомой для охлоса, радостно совершавшего несложный и освобождающий от традиционных запретов процесс расчеловечивания. Буйство коллективного бессознательного приводило к смешению таких древних ритуальных элементов, как карнавал и человеческие жертвоприношения, которые совершались когда-то участниками сатурналий в угоду языческим богам и давно были вытеснены более безобидными обычаями. Стихийная жажда мести, а также социальной чистки от врагов, «буржуев», изменников и просто «городских» оживляет древнюю идею гекатомбы, и во имя мести, а также вполне религиозной идеи лучшего будущего, избавленного от врагов и чужаков, публично и глумливо уничтожаются многочисленные жертвы.

Карнавализация самосудов, столь характерных для российской провинции даже в XX в., охватила в 1917 году и революционные столицы. Драматург Н. Евреинов описал увиденную им осенью 1917 года в Петрограде сцену самосуда обывателей над мясником: «...Ему взвалили на плечи груди

⁹ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 129.

тухлого мяса, а на грудь привесили дощечку с надписью “Мародер” и в таком виде его, престарелого отца семейства, возили, стоя на извозчике, возили медленно как по Сеной, так и по прилегающим к ней улицам, возили на показ всем обывателям. И обыватель густо толпился, чтобы насладиться этим мрачным зрелищем ... [иные были,] судя по пристальности горящих глаз, подлинными драматическими зрителями, т. е. сопереживающие некое действие ради наслаждения от такого сопереживания»¹⁰. Разгул самосудов отмечался повсеместно.

Главным действующим лицом в сибирской деревне периода Гражданской войны стал не столько традиционный пахарь, любитель отметить церковный или языческий (как масленица) праздник обильным возлиянием и шумным весельем, сколько бывший воин с опытом обращения с оружием и желанием немедленно компенсировать тяготы службы, взять от жизни побольше удовольствий, а заодно свести счета с соседями. В эпоху массовой партизанщины, охватившей в 1918–1922 годы многие уезды и целые губернии Сибири и Дальнего Востока, карнавал сильно изменился, вернув самые архаичные черты и вобрав традицию жестоких крестьянских самосудов, доходивших вплоть до социального террора.

Партизанщина питалась уравнилельно-анархическими идеями, вносимыми в деревню многочисленным маргинальным элементом, особенно демобилизованными и дезертировавшими солдатами, а также агитацией большевиков, эсеров и анархистов. Также в партизанщине очевидно влияние присутствующих уголовным шайкам особо ци-

ничных и жестоких обычаев. Многие расправы носили публичный характер и одобрялись значительной частью сибирского населения, особенно если речь шла о мести за действия карателей при подавлении многочисленных кроваво-грабительских крестьянских восстаний. Но и садистской инициативы также было достаточно, особенно при беспощадных казнях недавно самых уважаемых людей деревни – священников и зажиточных хозяев. Революционный мир оказывался перевернут. В нем последние становились первыми, а лучшие оказывались втоптаны в грязь: убита императорская семья, уничтожены многие офицеры, священники, купцы. Вверху же оказались люмпены из полуинтеллигенции, люмпены-крестьяне, люмпены-рабочие и, наконец, хулиганы и профессиональные уголовники. Как отмечал в начале 1920-х годов М. Алданов, «...на низах культуры календарь... показывает семнадцатый век»¹¹. Партизанский террор шел вслед за небывалыми по жестокости казнями Грозного и беспощадным садизмом пугачевцев, вырезавших тысячами население захваченных уральских заводов вместе с женщинами и детьми¹², массово убивавших священников, смазывавших раны жиром убитого офицера и вешавших академика-астронома Г. Ловица, чтобы тот оказался ближе к своим звездам¹³.

Частью революционной культуры стало и глумление над мертвыми. Публичным было сожжение тела Г.Е. Распутина. Когда в апреле 1918 года революционная толпа в

¹¹ Алданов М.А. Огонь и дым. – Париж: Франко-русская печать, 1922. – С. 53.

¹² Капшинцев Д. Горнозаводская промышленность Урала и крестьянская война 1773–1774 годов // Историк-марксист. – 1936. – № 1. – С. 142–163.

¹³ Пушкин А.С. История Пугачева // Полное собрание сочинений в 10 т. – Л.: Наука, 1978. – Т. VIII. – Гл. 7, 8.

Екатеринодаре издевалась над вырытым из могилы трупом Л.Г. Корнилова, за повозкой с трупом генерала двигалась «огромная шумная толпа, опьяненная диким зрелищем и озверевшая. <...> К трупу подбегали отдельные лица из толпы, вскакивали на повозку, наносили удары шапкой, бросали камнями и землей, плевали в лицо. При этом воздух оглашался грубой бранью и пением хулиганских песен. Наконец, тело было привезено на городские бойни, где его сняли с повозки и, обложив соломой, стали жечь в присутствии высших представителей большевистской власти»¹⁴. Через образы описанного М.М. Бахтиным материально-телесного низа пьяные партизаны-насилыники и обыватели-жертвы вовлекались в игровое посмешище: убитым горожанам Кузнецка в рот и задний проход вставлялись бутылки, трупы врагов зарывались в навоз или рядом с палой скотиной¹⁵. Тело расстрелянной своими же одной из руководительниц партизанской Николаевской-на-Амуре коммуны – кровожадной Н. Лебедевой – крестьянки обнажили и забросали грязью¹⁶. С надругательством над трупом врага подчас сочеталась сакрализация письменного слова: в октябре 1922 года чекистская сводка сообщала, что в пос. Семеновка Крестовской волости Славгородского уезда Алтайской губернии крестьяне, «убив коммуниста, закопали его с трупом собаки, вложив в могилу записку:

¹⁴ Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. – London: Overseas Publications Interchange Ltd (OPI), 1992. – С. 204–207.

¹⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1166. Л. 3.

¹⁶ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 715-н. Оп. 1. Д. 2. Л. 39–41. URL: <http://old.amur.info/forum/viewtopic.php?id=18771&p=3>

“коммунист и собака – одно и то же”¹⁷; таким образом, данный документ разъяснял ситуацию и жителям Семеновки, и потустороннему миру.

Публичное и продолжительное глумление над врагом было обыденным зрелищем. Во время крупного Зиминского восстания 6 августа 1919 года в с. Большая Речка Ильинской волости Барнаульского уезда были арестованы до 50 зажиточных крестьян и местная интеллигенция, которых водили по селу «и на ходу били прикладами, палками, плетьюми, кололи штыками. Заставляли говорить: “я – враг народа”, “благодарю вас, товарищи”¹⁸, и это продолжалось почти весь день, а затем всех увели на скотское кладбище и полуживых закопали»¹⁹. В конце 1919 года сдавшуюся команду конных разведчиков 30-го Аксинского полка партизаны Н.А. Каландаришвили, прежде чем убить, водили раздетыми до белья по улицам Нижнеудинска «для общего посмеяния и издевательства»²⁰. Горожан, раздетых догола, партизаны Я.И. Тряпицына по морозу водили по улицам Николаевска-на-Амуре, а затем убивали²¹. Летом 1920 года оставшееся население Николаевска-на-Амуре, угнанные тряпицынцами в тайгу, было средством передвижения для бежавших от

¹⁷ Центральный архив (ЦА) ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 626. Л. 199.

¹⁸ Здесь характерно применение советской лексики, заимствованной повстанцами от красных агитаторов.

¹⁹ Лип 3. Красные ужасы // Алтайский вестник. – 1919. – № 163. – 7 сентября. – С. 3.

²⁰ Пучков Ф. А. 8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском ледяном походе // Вестник первопоходника. Май 1965 – январь 1966. – № 44–52. – URL: <http://www.dk1868.ru/history/puchkov.htm#z116>

²¹ Гутман А.Я. (Анатолий Ган) Гибель Николаевска на Амуре. Страницы из истории войны на Дальнем Востоке. – Берлин: Русский экономист, 1924. – С. 110.

японского наступления партизан: те, экономия силы и развлекаясь, ехали на людях²².

О типичности постоянных публичных партизанских расправ над пленными говорит эпизод осени 1919 года во время тяжелого Богдатского боя в Забайкалье: «Привезли 12 пленных бурят. Озверевшая толпа тут же растерзала пленников. Был это самосуд, но никто в этот момент не поднял голоса против»²³. В сентябре 1919 года в алтайском селе Пещерка партизанами Г.Ф. Рогова был пленен и вырезан полный состав дружины Святого Креста: «Под настойчивым требованием многотысячного митинга крестьян, [которые] требовали снять чалпан [голова — А. Т.], чалпаны были сняты, таковой была участь крестоносцев... в составе 250 человек...»²⁴ То есть всем дружинникам отрубили головы на глазах огромной толпы, жаждавшей расправы. Факт публичного обезглавливания возвращает к традиционной средневековой казни, чрезвычайно наглядной, в которой видны и палаческая похвальба ловкостью рук, и желание видеть казнимого со слетающей с плеч головой и фонтаном крови из перерубленной шеи. Аналогичные «представления» нередко устраивали и белые каратели, и участники антибольшевистских восстаний.

Часть зрелищ отличалась особенной жестокостью. Один из видных партизан Рогова Д.В. Пороховниченко в 1926 году составил подробное описание изощренной казни около 500 сдавшихся защитни-

²² Фефилов П.Л. Что мы знаем о Якове Тряпицыне и тряпицынщине // Хлебниковские чтения. Гражданская война на Дальнем Востоке. Образ Тряпицына в романе Г.Н. Хлебникова «Амурская трагедия». Вып. 1. — Комсомольск-на-Амуре: Агора, 2010. — С. 84.

²³ Лесовик С. Курунзулай восстал // Партизаны. — Чита, 1929. — С. 48.

²⁴ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1162. Л. 31; Д. 1166. Л. 61–62.

ков села Тогул в декабре 1919 года, называя судилище «страшным судом»: «Собрали в одну арестную комнату при штабе... начальство, офицерство, состав суда, контрразведку, попов и псаломщиков. Начался так называемый страшный суд, т. е. меру наказания принимали через сжигание на огне... По одному мгновению Юрчанским Сельревкомом к штабу было привезено два воза соломы, это происходило днем, среди улицы, толпа давила один другого, всякому хотелось посмотреть, в этом сказывалась беспощадная месть супостатам. Прежде чем приступить к делу, духовенство вывели из арестной комнаты на улицу, [конвоиры] садятся верхом, двое ведут [арестованных] на поводу, подают команду “на места”, “шагом марш”, приказывают танцевать, петь Христос Вос[к]ресе, комаринскую, заклинать анафемой партизан...

После церемониального марша развели несколько костров огня и тут трудно описать какая происходила картина по современному ужасная картина, по тому времени [выглядело] спокойно, ребяташки подтаскивали солому, бабенки, у которых мужья были уничтожены беляками, все просили дать им возможность излить последнюю месть»²⁵. Расправа же с основной массой пленных была тайной: «...В эту ночь во дворе, где помещался штаб отряда, зарубили 200 чел. и на другой день остальных 250–260 чел. Целые горы трупов, чтобы не повлияло морально, [увезли, когда] в 4 часа ночи второго вечера из Юрчинского Ревкома было представлено 50 подвод для увозки трупов на скотское кладбище, где была вырыта общая могила, всех свалили в

²⁵ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1586. Л. 6; Кокоулин В.Г. Сибирские партизаны и религия // История «белой» Сибири. — Вып. 8. — Кемерово, 2009. — С. 166.

одну яму, залили известкой и поставили в знак памятника осинový кол»²⁶.

Партизан И.Я. Огородников, описывая вышеописанный ритуальный костер, выделял желание палачей именно «потешиться»: «Напишу... как расправлялись с пленными из церкви. Привезено было несколько [возов] соломы для того, чтобы можно было жарить их... Построен был строй [партизан] в две шеренги просто как бульвар... ...Подсудимого сразу проводят через этот фронт. Все вооружены нагайками, [пленник] до конца дойдет чуть чуть живой и гонят в огонь. ...Так пропускали по порядку... здесь не приходилось ждать очереди, всем хотелось потешиться над противником. <...> Тут видно всем было нужно поучаствовать»²⁷. Подобные массовые казни нередко совершались под одобрительные крики тысячной крестьянской толпы, требовавшей кровавой мести к побежденным белым, ненавистным за попытки наведения порядка жестокими мерами.

Оргия среди трупов, сопровождавшаяся массовыми изнасилованиями и грабежами, произошла в захваченном роговцами Кузнецке в декабре 1919 года, когда пьяные убийцы, уничтожив до 800 жителей, веселились у костров, горлая циничные чащушки вроде:

Попадью застрелил Ваня,
Бело платье на меня.
Я иду собой люблюсь,
Все равно как попадья²⁸.

Кровавый праздник учинили роговцы и в с. Кольчугино (ныне г. Ленинск-Кузнецкий), и на близлежащем руднике:

«без суда перебили торговцев, милиционеров, служащих рудника, убили много других... На площади и на улицах валялись трупы, роговцы не разрешали их убирать. ...Первым делом подожгли церковь, она пылала весь день. Попа остригли, раздели и на улице всенародно казнили... Ризами покрыли лошадей. Сами нарядились в духовные облачения и, горлая песни, разъезжали по селу и руднику. Они врывались к служащим, крестьянам, рабочим, забирали у них шубы, валенки, часы, одежду, одеяла, подушки и другие вещи... Протестовавших убивали»²⁹.

В Гражданскую войну глумление над привычными ценностями разрастается, кощунство торжествует, так что церковные ризы превращаются в партизанские штаны и кисеты, причем и старики, воспитанные в уважении к религии, охотно пьют себе подобные изделия³⁰. Современный мир представлялся повстанцам дьявольским наваждением, который следует обескровить, уничтожить, испепелить, не щадя ни старых, ни малых. Убийства детей, женщин, священников, гнуснейшие пытки над ними выглядели как логичное опровержение еще недавно прочных моральных запретов. Страшное шутовство, обязательный «черный юмор» являлись также и способом психической защиты от невероятных перегрузок войны всех против всех.

Так разыгрывался насыщенный кровью карнавал, вышедший из берегов и пытавшийся полностью заменить жизнь, поскольку мужицкое царство без власти городских начальников, без авторитета церкви, интеллигенции и зажиточных деревенских хозяев, и должно было так выглядеть:

²⁶ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1586. Л. 6–7.

²⁷ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 6. Д. 316. Л. 33–34.

²⁸ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1166. Л. 3.

²⁹ Геласимова А.Н. Записки подпольщицы. – М.: Мысль, 1967. – С. 256.

³⁰ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1586. Л. 3.

бесконечной гульбой, где потехе время, а войне час, когда партизаны-роговцы из отряда М.З. Белокобыльского, проведя день в пьяном разгуле, затем толпой идут стрелять по осажденной Тогольской церкви, превращенной белыми в крепость, а потом расходятся и возвращаются к прерванному веселью: «Интересно было то, что с утра гуляем, пляска, песни, а к вечеру будь готов к наступлению...»³¹ Отряд Белокобыльского после окончания боевых действий зимой и весной 1920 года перемещался от села к селу, сочетая веселье с убийствами: «Занятие было одно. Гуляли, добивали оставшееся духовенство...»³².

Смертоносный карнавал не закончился с партизанщиной, его кровавую традицию подхватили и развили чекисты – десятки тысяч опричников, имевших огромные возможности и для постоянных развенчаний сильных мира сего, и для организации садистских зрелищ, в которых участвовали многочисленные сотрудники ВЧК-НКВД.

В чекистском жаргоне казнь цинично именовалась «свадьбой», т. е. венчанием жертв со смертью. Чекисты избегали публичности при расправах, за исключением многих эпизодов Гражданской войны, но сами казни нередко собирали большие группы исполнителей, особенно в периоды обострения террора. Также можно наблюдать расширение круга посвященных в тайну, например, казней знаменитостей за счет пьяного хвастовства: глава военной коллегии Верховного Суда СССР В.В. Ульрих рассказывал, как маршал Тухачевский при расстреле отказался подставить затылок и принял пулю в лоб³³.

³¹ ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1586. Л. 3 об.

³² ГАНО. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1586. Л. 7.

³³ Петров Н.В. Палачи: Они выполняли заказы Сталина. – М.: Новая газета, 2011. – С. 220.

Чекисты разнообразили свою кровавую работу целым рядом ритуалов. Например, для заглушения криков избиваемых, проникавших даже через тюремные стены, и восточносибирские, и ашхабадские чекисты могли играть на гармонике или распевать хором³⁴. Очень рано у чекистов возник обычай почти обязательного предсмертного избияния расстреливаемых, в котором участвовали целые группы исполнителей и руководителей, почти всегда пьяных. Частью чекистского «театра» становились и эпизоды принуждения смертников к публичным половым актам, известные что для Украины, что для Сибири. Л.Т. Якушев, работая с октября 1937 по февраль 1938 года начальником УНКВД по Житомирской области, лично принимал участие в избиянии заключенных, приговоренных к расстрелу, а также в сожжении 11 заключенных. По его приказу осужденные сами копали себе могилы, причем по 200–250 связанных людей ставили в очередь и расстреливали на глазах других заключенных. Начальник внутренней тюрьмы и комендант УНКВД по Житомирской области в конце января 1938 года «принуждали осужденного старика-инвалида ... совершить половой акт с расстрелянной женщиной, лежащей среди трупов расстрелянных, обещая за это его освободить. Во время исполнения стариком [данного] требования... его застрелили на трупе этой женщины»³⁵. Сотрудники Куйбышевского оперсектора УНКВД по

³⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 374. Оп. 27. Д. 1976. Л. 190; История сталинского ГУлага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 343, 344.

³⁵ Шаповал Ю.І. Україна в добу «великого терору»: етапи, особливості, наслідки. «Єжовщина» починається // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – 2007. – № 1. – С. 99.

Новосибирской области (причем не только трое расстрелянных в 1940 году чекистов, но и оставшиеся безнаказанными милиционеры) в 1938 году заставили совершать в своем присутствии половой акт осужденную учительницу и осужденного мужчину, обещая за это помиловать. Сразу после окончания «представления» несчастные были задушены³⁶.

Запредельная жестокость при массовых казнях сопровождалась и некими сопутствующими «полезностями», как, например, «допросом на яме» упорного арестованного, отказывавшегося давать показания. Таким термином чекисты НКВД Туркменской ССР называли присутствие несознававшегося арестанта при массовом расстреле, утверждая, что не было случая, когда после такого «спектакля» для одного зрителя обвиняемый не подписал бы требуемых показаний³⁷. Подобные зрелища, устраиваемые для самих жертв, могли вызываться и мстью, идущей с самого верха: так, Сталин (либо Н.И. Ежов) велел при расстреле 15 марта 1938 года 18 осужденных по делу «правотроцкистского блока» отделить Н.И. Бухарина и Г.Г. Ягоду и, расстреляв их в последнюю очередь, заставить наблюдать казнь подельников³⁸. При этом исследователям известна лишь небольшая часть чекистских «развлечений» над осужденными, многие из которых явно были отражением inferнальной карнавализации. Вместе с тем чекистский карнавал для своих воплощался в грубых шутовских формах,

как в 1920-х – начале 1930-х годов на даче известного руководителя ОГПУ Г.И. Бокция, где его подчиненные, объединенные в особую «Дачную коммуну», предавались пьяным оргиям, во время которых, в частности, имитировали похороны живо и служили пародийные «обедни», облачаясь в церковные одеяния, специально привезенные из Соловков³⁹.

Чекистское сообщество, тесно связанное в первом поколении с красной партизанщиной, надежно закрепило практику крестьянских самосудов и через трибуналы и открытые процессы (с издевательским отношением судей к элементарным правовым процедурам, осмеянием и поношением подсудимых), и через кроваво-глумливые казни, учась ненавидеть врага, который должен был и своей мучительной смертью тешить до самого конца месть победителей. Садистское веселье выступало элементом как инициации чекистской молодежи, так и сплочения исполнителей круговой кровавой порукой.

Глумливый революционный юмор очень скоро «подверг сомнению властное начало как принцип», последствия чего оказались ощутимыми настолько, что восстанавливать гражданскую дисциплину после революции 1917 года властям приходилось «путем реанимации первобытных страхов, вызывавших социальное оцепенение»⁴⁰. Но чекистский мир, подобно опричному войску Грозного, сохранил монополию на страшный смех, возведя в традицию обычай издеваться над арестованными и осужденными к смерти, превращая зрелище пыток и казней в театр.

³⁶ Тепляков А.Г. Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах. – М.: Возвращение, 2007. – С. 75.

³⁷ История сталинского ГУлага. Т. 1. Массовые репрессии в СССР... – С. 342.

³⁸ Петров Н.В. Палачи: Они выполняли заказы Сталина... С. 199.

³⁹ Бобринев В.А., Рязанцев В.Б. Палачи и жертвы. – М.: Воениздат, 1993. – С. 364–366.

⁴⁰ Буддаков В.П. Красная смута... – С. 130.

Таким образом, карнавализация, характерная для традиционного общества, в период его трансформации в более современные формы ширится и видоизменяется, отражая искажение ценностных приоритетов. В карнавальном глумлении теперь нередок оттенок «черного юмора», оно приобретает особо циничный, зверский характер, воплощая основную идею периода Гражданской войны – идею насилия. И карнавал, в котором роли обычно распределяются по взаимному согласию, обретает черты инфернальной пляски смерти. Тот карнавал, который всегда был травестированием реальности представлявший мир как игру, становится заметной частью коллективного бессознательного, когда толпа не останавливается и превращает оргию убийств в жуткий праздник мести, опрокидывая прежние ценности, унижая лучших и возвышая ничтожных. Карнавал, ранее комично уничтожавший на короткое время привычный мир грубым смехом, в своем развитии в течение первой половины российского XX века становится частью кровавой партизанской повседневности, а затем прячется в закрытом от посторонних глаз мире спецслужб. В постсталинский период элементы «черного карнавала» сохраняются в местах заключения и армии, где до настоящего времени воспроизводятся самые архаичные модели социального поведения⁴¹.

Литература

Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура // М.М. Бахтин: Pro et Contra. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Антология. Том 1. – СПб.: РХГА, 2001. – 552 с.

⁴¹ См.: Клейн А.С. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. – СПб.: Нестор-История, 2010. – С. 395.

Алданов М.А. Огонь и дым / М.А. Алданов. – Париж: Франко-русская печать, 1922. – 192 с.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М.: Советский писатель, 1963. – 362 с.

Бобринев В.А. Палачи и жертвы / В.А. Бобринев, В.Б. Рязанцев. – М.: Воениздат, 1993. – 379 с.

Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия / В.П. Булдаков. – М.: РОССПЭН, 2010. – 967 с.

Геласимова А.Н. Записки подпольщицы / А.Н. Геласимова. – М.: Мысль, 1967. – 304 с.

Гутман А.Я. (Анатолий Ган). Гибель Николаевска на Амуре. Страницы из истории войны на Дальнем Востоке / А.Я. Гутман. – Берлин: Русский экономист, 1924. – 298 с.

Евреинов Н. Театр и эшафот // Мнемозина: Документы и факты из истории русского театра XX века. [Вып. 1] / Н. Евреинов; Сост. и общ. ред. В.В. Иванов. – М.: Гитис, 1996. – 287 с.

История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. – М.: РОССПЭН, 2004. – 728 с.

Кашинцев Д. Горнозаводская промышленность Урала и крестьянская война 1773–1774 годов / Д. Кашинцев // Историк-марксист. 1936. Кн. 1. – С. 133–185.

Клейн А.С. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах / А.С. Клейн. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 730 с.

Кокоулин В.Г. Сибирские партизаны и религия / В.Г. Кокоулин // История «белой» Сибири. – Кемерово, 2009. Вып. 8. С. 163–168.

Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Ред.-сост. Фельштинский Ю. Г. – London: Overseas Publications Interchange Ltd (OPI), 1992. – 432 с.

Лесовик С. Курунзулай восстал / С. Лесовик // Партизаны. – Чита, 1929. – С. 46–49.

Лин З. Красные ужасы / З. Лин // Алтайский вестник. – 1919. – № 163. – С. 2.

Лихачев Д.С. Смеховой мир Древней Руси / Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Понырко. – Л.: Наука, 1984. – 295 с.

Лотман Ю.М. Семносфера / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство–СПб, 2000. – 704 с.

Петров Н.В. Палачи: Они выполняли заказы Сталина / Н.В. Петров. – М.: Новая газета, 2011. – 320 с.

Пучков Ф.А. 8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском ледяном походе / Ф.А. Пучков // Вестник первоходника. Май 1965 – январь 1966. № 44–52.

Пушкин А.С. История Пугачева / А.С. Пушкин // Полное собрание сочинений в 10 т. – Л.: Наука, 1978. Т. VIII. – 416 с.

Тепляков А.Г. Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах / А.Г. Тепляков. – М.: АИРО-XXI, 2007. – 288 с.

Тизенгаузен Д.О. Современные крестьянские праздники. Карнавал в деревне. Публ. С.А. Папкина // Голоса Сибири. – Вып. 2. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – С. 452–484.

Фефилов П.А. Что мы знаем о Якове Тряпицыне и тряпицынщине / П.А. Фефилов // Хлебниковские чтения. Гражданская война на Дальнем Востоке. Образ Тряпицына в романе Г.Н. Хлебникова «Амурская трагедия». Альманах. Вып. 1. – Комсомольск-на-Амуре: Агора, 2010. – 138 с.

Шаповал Ю.І. Україна в добу «великого терору»: етапи, особливості, наслідки. «Єжовщина» починається / Ю.І. Шаповал // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – 2007. – № 1 (28). – С. 76–100.